

— Не может быть! — Тётя, словно обезумев, бросилась вперёд. — Не может быть! Это подделка! Он всё подделал!

— Ши Сяо, ты паршивый зайчишка! Проклятый ублюдок!

— И вы все помогаете ему травить нас, простых людей! — Тётя плюхнулась на пол, принялась бить себя по бёдрам и завывала, как по покойнику. — Безбожно! Господи, взгляни! В нашем мире простому люду и житья нет!

...

Когда всё прояснилось, Янь-ван, нежно обняв Ши Сяо за талию и прихватив чемодан с жертвенными деньгами, покинул полицейский участок. Мотив был таков: до праздника Цинмин, дня поминовения предков, осталось каких-то два-три месяца, деньги эти всё равно пригодятся, а раз выбрасывать жалко, так лучше ему их продать.

Ши Сяо: «...»

Мотив, надо сказать, был весьма и весьма своеобразным.

Дядю и тётю же задержали на три часа, провели с ними воспитательную беседу, попеременно пугая и вразумляя, и отпустили только под вечер, около четырёх. Едва переступив порог дома, они увидели дочь, которая, рыдая, вбежала с портфелем в руках.

— Почему так рано вернулась? — спросила тётя. — Дочка, кто тебя обидел? Я с ним разберусь!

Ши Фэй, рыдая, швырнула в мать портфель:

— Сама ты! Сама!

Тётя: «...»

— Мама, ты что, с ума сошла? — зарыдала Ши Фэй. — Ты притащила в банк целый чемодан жертвенных денег! Тебе не стыдно, а мне стыдно! И папа, почему ты её не остановил?.. Видео уже по всему классу гуляет, все надо мной смеются. Я больше не хочу тебя знать!

С этими словами Ши Фэй, рыдая, бросилась в свою комнату и с грохотом захлопнула дверь.

Тётя нахмурилась:

— Проклятая девчонка! Что за вздор несёт!

Дядя уселся за стол:

— Да уж, позор порядочный.

Тётя сверкнула на него глазами:

— Что ты сказал?

— Сказал — позор! — вдруг взорвался дядя. — Сколько лет всё решаешь сама! Ну что, довольна? Довольна? Довольна?.. Фу Сяоцзюань! С меня хватит!

Он опрокинул стол, чашки и чайник с оглушительным грохотом разлетелись вдребезги.

Тётя на мгновение остолбенела, затем схватила метлу:

— Совсем обнаглел? Со мной спорить вздумал? Если бы не я, ты бы до сих пор в своей горной дыре сидел! Ничтожество ты... Ах! Ты посмел меня ударить?

Пока двое немолодых уже людей дрались, хватая друг друга за волосы, дверь с скрипом отворилась.

Выйдя из полицейского участка, Ши Сяо украдкой взглянул на Янь-вана и тихонько проговорил:

— А так... разве правильно? Хотя они и начали первыми... но обманывать всё-таки... нехорошо.

Янь-ван притворно нахмурился:

— Замолчи!

Но в голосе его не было ни капли гнева, даже звучал он мягко.

Глядя, как Ши Сяо от его слов надул губки и опустил голову, Янь-ван и сам смягчился.

Он опустил взгляд на макушку Ши Сяо. Волосы у него были чёрными, тонкими и мягкими, а на темени красовалась милая маленькая завитушка. Из-за того, что он опустил голову, между воротником и прядями волос виднелась узкая полоска белоснежной шеи.

Янь-ван с нежностью смотрел на эту белизну, и рука, обнимавшая Ши Сяо за талию, невольно сжалась.

Сначала он прикинулся влюблённым с Ши Сяо просто чтобы выкрутиться из ситуации, сгоряча соврав. Но когда он обнял этот мягкий, тёплый комочек, когда опустил подбородок на его тонкие, пушистые волосы, когда увидел, как Ши Сяо от неожиданности залился румянцем, когда тихим, нежным голосом произнёс: «Он мой супруг», — его сердце вдруг словно пронзила кисло-сладкая слива, а потом окутала тёплая родниковая вода. Сердце, тысячелетиями скованное льдом, с тихим треском дало трещинки, и в них просочилось чувство незнакомой, невероятной нежности.

Немного кисло, немного сладко, немного тепло.

Он никогда никого не любил и не знал, можно ли это назвать любовью. Он знал лишь, что во всех Трёх мирах только этот глупенький зайчишка дарил ему чувство покоя и тепла.

Его тело было тёплым.

Его улыбка была тёплой.

Его сердце... было тёплым.

Да, он презирал глупость Ши Сяо, его наивность, слабость, его болезненное человеколюбие. Но, восседая на троне, где он держал в руках судьбы всех живых, постоянно ожидая, что боги и демоны, вынужденные проходить испытания и перерождаться, ударят в спину, только такой чистый, ясный, как хрусталь, человек, как Ши Сяо, мог дать ему чувство безопасности.

Не просто безопасности. Ещё жалости и... восхищения, которого он и сам не желал признавать.

Раньше, читая о жизни Ши Сяо, видя, как тот раз за разом жертвует собой ради других, он считал его просто глупым и наивным. Но увидев всё своими глазами, он понял, насколько же редка такая широта души.

Ши Сяо испытывал жалость даже к дяде и тёте, которые столько раз причиняли ему боль, и не мог переступить через себя, чтобы сделать им что-то дурное, не говоря уже о других.

Совершенный глупец!

Но очень милый. Хочется защищать. Обнять. Поцеловать.

Хочется... обладать.

Поэтому, вернувшись в отель, Янь-ван протянул Ши Сяо чемодан с жертвенными деньгами.

Ши Сяо смотрел на него в полном недоумении: «???»

Янь-ван:

— Тебе.

— Мне?

Ши Сяо в растерянности подумал: что бы это значило? Неужели Янь-ван хочет, чтобы он сжёг эти деньги предкам на Цинмин?

— Угу, — кивнул Янь-ван, поджав губы. — Храни. Это всё моё состояние, накопленное за десять с лишним тысяч лет.

Ши Сяо: «...»

Десять юаней за целую пачку жертвенных денег — весьма оригинальное состояние, ничего не скажешь.

Ши Сяо, не зная, смеяться или плакать, взял чемоданчик, но тот оказался на удивление тяжёлым, рука так и рванулась вниз. Чемодан с глухим стуком грохнулся на пол, мгновенно оставив вмятину на деревянном покрытии.

Ши Сяо: «...»

Чёртовски тяжёлый. Там бумага или чугунные болванки?

— Идиот! — с презрением посмотрел на него Янь-ван, помог переставить чемоданчик к кровати в спальне номера и поставил его рядом с небольшим вещмешком Ши Сяо.

Он уже собрался уходить, но Ши Сяо остановил его.

— Эм-м... — Ши Сяо робко взглянул на него. — Господин Янь-ван, я... документы на дом уже получил. Может быть... не выгонять их?

Янь-ван какое-то время молча смотрел на него, потом сказал:

— Ладно.

Глупыш. Скоро ты сам увидишь, что такое «человеческая натура». Тогда уж не пеняй на мою жестокость.

Ши Сяо: «...»

Он не ожидал, что Янь-ван согласится так легко, и с удивлением поднял на него глаза.

Янь-ван, заметив его взгляд, тут же понял, что ответил слишком поспешно, и это подрывает достоинство владыки целого мира. Он фыркнул и добавил:

— Пужинай со мной. Пужинаешь — соглашусь.

Ши Сяо: «...»

Как божеству, Янь-вану не нужно было есть. Хотя другие боги и устраивали порой пиры, чтобы побаловать себя, Янь-ван никогда не тратил время на такие пустяки.

Поэтому он почти не ел и не имел понятия о еде.

Но с тех пор, как он увидел, как Ши Сяо уплетает всё за обе щёки, счастливо причмокивая, и сам разок «отведал яда» за него, он вдруг осознал, что «есть» — тоже занятие весьма интересное.

Особенно если есть вместе с этим зайчишкой.

Янь-вану это казалось увлекательным, но Ши Сяо был не в восторге.

Ши Сяо повёл его в лапшичную на первом этаже. Янь-ван с отвращением посмотрел на заляпанный стол:

— Грязно.

Ши Сяо повёл его в уличную закусочную. Янь-ван поморщился, глядя на дым от мангала:

— Воняет.

Ши Сяо повёл его в кафе с кашей, где не было ни грязи, ни чада. Янь-ван нахмурился, покрутил в миске ложкой:

— Рис водой разбавили, людей обманывают. Официант!

Ши Сяо пришлось увести Янь-вана, пока тот не устроил скандал.

В итоге они заказали целый стол дорогих блюд в отеле: курицу с арбузом, «Будда перепрыгнул через стену», парового морского окуня, тушёный морской огурец с луком, сладкое птичье гнездо... Вкусно или нет — не важно, цены были пугающими.

Янь-ван всего лишь пригубил каждое блюдо и поморщился. В конце концов он съел только морской огурец с луком (предварительно выбросив весь лук) и половину птичьего гнезда. Но, узнав, что это застывшая слюна морских ласточек, с тёмным от отвращения лицом отправился в уборную.

Уголок рта Ши Сяо дёрнулся. Привередливость господина Янь-вана поистине ужасала.

<http://bllate.org/book/16255/1462224>